
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-X

Сборник научных статей по монголоведению
Посвящается 90-летию Л. К. Герасимович

St. Petersburg
2013

УДК 951.93
ББК ТЗ(5Мо)

Издано на средства Института восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия: доктор филол. наук *И. В. Кульганек* (председатель), доктор филол. наук *Л. Г. Скородумова*,
канд. филол. наук *Н. С. Яхонтова*

Рецензенты: канд. филол. наук *М. П. Петрова*, доктор филол. наук *С. Л. Невелева*

Edited by: *D. S. (Philology) I. V. Kulganek, D. S. (Philology) L. G. Skorodumova, Ph. D. N. S. Yakhontova*

Peer-reviewed by: *Ph. D. M. Petrova, D. S. (Philology) S. Neveleva*

Монголика-Х: Сб. ст. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013. — 144 с.

Десятый выпуск сборника имеет разделы: «Филология, литературоведение, фольклористика, текстология», «Историография, источниковедение и история науки», «Рецензии и научная жизнь», «Наши переводы». Статьи написаны авторитетными учеными-монголоведами и молодыми российскими и зарубежными специалистами. Актуальность сборника подчеркивают очерки о последних монголоведных событиях, рецензии на новые книги. Статьи написаны в русле основных научных приоритетов и с позиций современного монголоведения, для которого историко-культурные проблемы монголоязычных народов весьма существенны, несут важную общественную нагрузку и имеют как чисто научное, так и общеисторическое практическое значение.

Материалы сборника рассчитаны на специалистов-монголоведов, историков, культурологов и всех, кто интересуется историей монгольских народов и Центральной Азии.

The tenth issue of «Mongolica» has the following parts: «Historiography and Textology», «Literature, Folklore, Linguistics», «Reviews and Scholaly Life», and «Our translations». The articles are written both by competent and young Russian and foreign scholars in the field of Mongolian studies. The essays of the latest scholarly events, reviews of new books make the issue topical. The articles are written in the mainstream of the modern scientific priorities and from the positions of the modern state of Mongolian studies, where historical and cultural problems of Mongolian speaking peoples are very important. They play a significant part in the society and have general historical significance.

The issue should be of interest to Mongolists specialising in philology, history, culture, and Orientalists interested in the history of the Mongolian peoples and Central Asia.

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*

Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*

Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Макет подготовлен в издательстве

«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 111

e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* http://www.pvost.org

Подписано в печать 15.08.2013. Формат 60×90 ¹/₈. Гарнитура основного текста «Таймс»

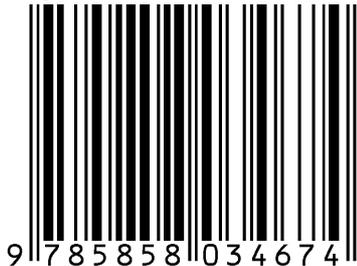
Печать офсетная. Бумага офсетная. Объем 20 усл.-п. л. Заказ №

Первая академическая типография «Наука»

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения правообладателей.

ISBN 978-5-85803-467-4

© Издательство «Петербургское Востоковедение», 2013

© Институт восточных рукописей РАН, 2013

© Коллектив авторов, 2013

Содержание

Предисловие. <i>И. В. Кульганек, Л. Г. Скородумова</i>	5
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. Г. Скородумова. Модель пространственно-временного континуума в монгольской культуре.	8
О. А. Сапожникова. Структура художественного текста в описании духовного облика монгольского народа (по рассказу С. Эрдэнэ «Камень в сердце»)	16
А. А. Туранская. Монгольский перевод сборника «Сто тысяч песнопений» Миларэпы	21
Д. А. Носов. Кумуляция в сказках монгольских народов: жанровый признак или композиционный прием?	26
А. А. Соловьева. Рассказы о проделках нечистой силы в монгольском фольклоре	33
П. О. Рыкин. К вопросу о принципах китайской транскрипции монгольской лексики в китайско-монгольском словаре «Дада юй/Бэйлу юй» (конец XVI—начало XVII в.)	41
А. И. Чернуха. К вопросу о диахроническом образовании долгих гласных в монгольском языке	49
И. В. Кульганек. Фольклорное воплощение феномена Прихубсугуля — Даян Дэрх.	53
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
Е. И. Кычанов. Тангутско-татарская граница в первой четверти XIII в. (по тексту «Новых законов» Ся)	58
К. В. Алексеев. О двух монгольских рукописях жизнеописания Гампопы (1079—1153)	65
Ю. И. Елихина. Монгольские ксилографические доски из коллекции Государственного Эрмитажа	70
А. В. Майоров. Письмо римского папы Иннокентия IV золотоордынскому хану Сартаку (текст, перевод, комментарий)	74
А. Б. Малышев. Для чего была написана золотоордынская «поэма» на бересте, найденная у села Подгорное? (к постановке проблемы)	82
П. Чултэмсүрэн. Краткая история халхаского Цогту-хунтайджи и его потомков	86
Ф. Л. Синицын. Международная деятельность тибетского иерарха Панчен-ламы IX и ее воздействие на положение МНР и Внутренней Монголии (1926—1937)	90
И. В. Кульганек. Рукописное и архивное наследие монгольских народов в России	97
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
К. Н. Яцковская. Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова	101
Б. Дайриймаа. Конференция, посвященная 100-летию известного алтайского урянхайского исполнителя С. Чойсурена	109
Ю. И. Дробышев. Новые издания совместной Российско-Монгольской комплексной биологической экспедиции РАН и МАН	110
О. Н. Полянская. Конференция «Монголия в XX веке: от восстановления независимости до международного признания». 1—2 декабря 2011 г., г. Иркутск	113
Т. Г. Басангова. Субурган Джамбо-тайши Тундугова	117
Л. В. Четырова. Монгольский форум в Париже	119
Л. Халоупкова. <i>Болдохонов К. Б.</i> Дорогие мои земляки	120
А. А. Бурыкин. <i>Омакаева Э. У.</i> Типология моделирующих членов предложения в калмыцком и монгольском языках в свете глагольно-актантной теории	122
Т. Д. Скрынникова. <i>В. Л. Успенский.</i> Тибетский буддизм в Пекине	125
И. В. Кульганек. Отчет о Первой Международной конференции «Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора»	128
НАШИ ПЕРЕВОДЫ	
Т. Баянсан. Лысое сердце (пер. Л. Скородумовой)	131
С. Эрдэнэ. Камень в сердце (пер. О. Сапожниковой)	133
П. Лувсанцэрэн. Голубой, как вода (пер. О. Сапожниковой)	134
С. Пурэв. Страдания собаки никогда не кончатся (пер. О. Сапожниковой, под ред. Л. Скородумовой)	138
Д. Гармаа. Сундук гецула (Будда) (пер. К. Ким)	140
Summary	141

Contents

Introduction by <i>I. V. Kulganek, L. G. Skorodumova</i>	5
LITERARY STUDIES, FOLKLORE STUDIES, LINGUISTICS	
L. G. Skorodumova. The model of the space-time continuum in the Mongol culture	8
O. A. Sapozhnikova. The spiritual character of the Mongolian people in the story by S. Erdene «A Stone of the Heart» (Structure of a literary text)	16
A. A. Turanskaya. The Mongolian translation of the collection «One Hundred thousand hymns» by Milarepa	21
D. A. Nosov. The structure of the Mongolian folk tales	26
A. A. Solovyeva. Stories about the evil forces in the Mongolian folklore	33
P. O. Rykin. On the Principles of Chinese Transcription of Mongolian Words in the Chinese-Mongolian Dictionary «Da-da yu/Beilu yiyu» (late 16 th —early 17 th centuries)	41
A. I. Chernukha. On diachronic process of formation of long vowels in the Mongolian language.	49
I. V. Kulganek. Folklore embodiment of the Prikhubsugulie's phenomenon — Dayan Derkh	53
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES	
E. I. Kychanov. The Tangut-Tatar border in the first quarter of the XIII century. (the «New laws» of Xia)	58
K. W. Alekseev. About two Mongolian manuscripts of the biography of Gampopa (1079—1153)	65
Yu. I. Yelikhina. Mongolian woodcut boards from the collection of the State Hermitage.	70
A. V. Mayorov. Pope Innocent IV's letter to Sartakh Khan of the Golden Horde (text, translation, notes)	74
A. B. Malyshev. What was the purpose of the Golden Horde «poem» written on birch bark found near the village of Podgornoe? (statement of the problem)	82
P. Chultemsuren. A brief history of Khlalkh Tsogtu-Khuntaydzhi and his disciples	86
F. L. Sinitsyn. International activities of the Tibetan Hierarch Panchen Lama IX and their impact on the situation of Mongolia and Inner Mongolia (1926—1937 years)	90
I. V. Kulganek. Manuscript and archival legacy of mongolian peoples in Russia	97
REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE	
K. N. Yatskovskaya. Reading the «Works of Mongolia and for Mongolia» by A. D. Simukov [The State Museum of Ethnology, Osaka, 2007—2008]	101
B. Dayriymaa. The conference dedicated to the 100 th anniversary of the famous Altai-Uryankhay performer S. Choysuren	109
Yu. I. Drobyshev. The new publications by the Integrated Russian-Mongolian biological expedition of RAS and MAS	110
O. N. Polyanskaya. The conference «Mongolia in the XX century: from the restoration of independence to the international recognition»	113
T. G. Basangova. Suvarga of Jumbo Taishi Tundutov	117
L. V. Chetyrova. Mongolian forum in Paris.	119
L. Khaloupkova. Review of «My Dear Countrymen» by K. B. Boldokhonov (Ulan-Ude, 2012)	120
A. A. Burykin. Review of «The Typology of Model-forming Parts of Sentences in the Kalmyk and Mongolian Languages in Light of the Verbal-actantial Theory» by E. U. Omakaeva. (Ulaanbaatar, 2011)	122
T. D. Skrynnikova. <i>V. L. Uspenskiy.</i> The Tibet Buddhism in Beijing.	125
I. V. Kulganek. Report about the first international conference «Cultural Heritage of mongols: manuscripts and archival collections in St. Petersburg and Ulaanbaatar»	128
OUR TRANSLATIONS	
T. Bayansan. Bald Heart (translated by L. Skorodumova)	131
S. Erdene. Stone Heart (translated by A. Sapozhnikova)	133
P. Luvsantseren. As Blue as Water (translated by A. Sapozhnikova)	134
C. Purev. A Dog's Suffering Never Ends (translated by A. Sapozhnikova; ed. by L. Skorodumova)	138
D. Garma. Getsul's Chest (translated by K. Kim)	140
Summary	141

К. Н. Яцковская

Читая «Труды о Монголии и для Монголии» А. Д. Симукова

В 2012 г. важная дата в монголоведении: 29 апреля исполнилось 110 лет со дня рождения Андрея Дмитриевича Симукова. 16 лучших лет своей безвременной оборвавшейся жизни (1902—1942) он трудился в Монголии во благо этой страны и её народа. С именем А. Д. Симукова связано становление и развитие географической, а также картографической науки в Монгольской Народной Республике, организация Национального музея и наполнение его множеством экспонатов. И не только. А. Д. Симуков, по признанию ведущих монгольских учёных, внёс весомый вклад в изучение Монголии и как этнограф, и как зоолог, и как участник разработки принципов административно-территориального деления страны; не утратили своей актуальности его труды о пастбищном скотоводстве как одной из экономических основ Монголии.

А. Д. Симуков ступил на монгольскую землю в составе известной Монголо-Тибетской экспедиции (1923—1926), руководимой знаменитым путешественником П. К. Козловым. Мировую славу экспедиции принесли археологические находки в Ноин-Уле. В истории этих раскопок запечатлена и работа А. Д. Симукова. Один из открытых там могильников назван «Андреевским» (другой известен как «Кондратьевский» — по фамилии руководителя археологических работ старшего помощника главы экспедиции С. А. Кондратьева).

С самого начала пути в Монголию судьба свела Андрея Симукова с Сергеем Александровичем Кондратьевым (1896—1970). Оба они принадлежали к поколениям молодёжи, в сердцах которых со времён Н. М. Пржевальского горело желание попасть в Центральную Азию. И вот случилось! Ботаником-коллектором был зачислен в экспедицию А. Д. Симуков, в состав конвоя — С. А. Кондратьев. Экспедиции содействовало Русское географическое общество, а также государство, снабдившие её прекрасным оборудованием — всевозможными приборами и разного рода оружием и для повсеместной охоты, и для обороны на случай нападения в Тибете. Экспедиция также была достаточно обеспечена финансами. Долгая дорога к границе Монголии способствовала сплочению членов экспедиции и стала своеобразным

кратким семестром обучения всевозможным необходимым умениям. Главным наставником для молодёжи был многоопытный и прекрасно образованный С. А. Кондратьев. Будучи старше Андрея Симукова на 6 лет, Сергей Александрович взял шефство над ним и другими более молодыми участниками экспедиции. Его любовь к поэзии и музыке не в последнюю очередь помогла созданию в коллективе атмосферы высокой духовности. После дежурств вместе пели, читали вслух стихи любимых известных русских поэтов. Сергей Александрович, унаследовав семейные композиторские способности (его дядей по материнской линии был известный композитор А. С. Аренский, почитаемый и поныне), в пути сочинял музыку, исполняя ее на гитаре. Это были и романсы на стихи Н. Гумилёва «Я помню милую дорогу», и работа над припевом к «Гимну экспедиции» на собственные слова: «*Вперед, вперед, все дальше на восток, Друзья, как радостно бродить по свету. Вперед, вперед, все дальше на восток, Нас ждут хребты далекого Тибета*». В дороге слагались строфы поэмы «Гава». Перед самой Монголией экспедиция больше месяца стояла в Троицкосавске, где по инициативе П. К. Козлова С. А. Кондратьеву, ещё перед концом Первой мировой войны отлично овладевшему нарезным оружием в командном пехотном училище, было поручено обучать стрельбе участников экспедиции. Такая многодневная тренировка очень пригодилась Андрею Симукову, когда он разыскивал представителей фауны Монголии для будущих экспонатов Национального музея, над организацией которого он трудился вместе с С. А. Кондратьевым. Их обоих с первых дней связала добрая дружба. В дневниковых записях Сергей Александрович часто и деликатно упоминает о «занятиях с мальчиками», как он с любовью называет Андрея Симукова и Котика (Даниленко): «Занимались (правда не систематически) ...английским». В другой раз отмечает: «Выучил обоих ...играть в шахматы». «Между делом набросал „Заклинание изюбрей“ на три голоса. Вечером мальчики усердно разучивали его со мной». Но главной заботой было расширение их кругозора, накопление всякого практического опыта, нужного в решении экспедиционных задач.

«Мальчики снимали Гуджиртэ (лесистую часть)»; «мы с Андрюшей делали съёмку Ноин-Уль». Эта работа проходила по соседству с археологическим раскопом в Судзуктэ. А зимой 1924—1925 гг. по заданию П. К. Козлова Андрей прошёл уже самостоятельными маршрутами не одну сотню километров, обследуя юго-западный Хентэй [Т. 1. С. 851]¹. И еще раз в 1925 г. в течение двух месяцев вёл наблюдения над жизнью животных в горах Ноин-Богдо, находящихся в крайней южной цепи горной системы Гобийского Алтая (см.: [Т. 1. С. 895]). В материале, касающемся наблюдений за монгольским горным бараном, исследователь даёт монгольское название этого животного — *аргали* и затем уточняет, что монголы относят к нему «самок и молодёжь» (см.: [Т. 1. С. 897]).

Увы! Экспедиции П. К. Козлова не пришлось полностью осуществить намеченные планы и дойти до Тибета. Все работы велись на территории Монголии и в районе Хара-хото. Первой крупной экспедицией Ученого комитета, которую возглавил А. Д. Симуков, была Гобийская экспедиция 1927 г. (июль—ноябрь) [Т. 3/1. С. 52—73]. Значительные исследования А. Д. Симукова были предприняты во время Хангайской (1928) экспедиции. Работала две партии. Руководителем одной был С. А. Кондратьев, другой — А. Д. Симуков [Т. 3/1. С. 80—195]. Начиная с 1927 г. они оба по приглашению Ц. Жамцарано продолжали работу в первом научном учреждении Монголии — Учёном комитете, известном всем монголооведам как *Судар бичгийн хурээлэн*, и во многом способствовали развитию в нём новых направлений, прежде всего связанных с естественными науками. В 1930 г. С. А. Кондратьев уехал на родину. А. Д. Симуков продолжал свою деятельность в Комитете по трем направлениям: «1) работа учрежденческого характера; 2) экспедиционные исследования; 3) научная обработка собранных материалов». Так итожил он свою двенадцатилетнюю научную работу в МНР и её результаты в специально подготовленном докладе, оставшемся в рукописи и опубликованном его дочерью Н. А. Симуковой [Монголика-III. 1994. С. 63].

Благодаря многолетним подвижническим усилиям Наталии Андреевны Симуковой, её личному участию в осуществлении идеи издания трудов отца в монголоведную науку вернулось не только его имя, но и его бесценное рукописное наследие, разысканное монгольскими и российскими учеными и ею самой в архивах и библиотеках Монголии и России. Вместе с журнальными публикациями 20-х и 30-х гг. рукописи работ составили три тома (фактически 4 многостраничные книги в формате А4). Эта публикация стала возвращением автору его научного достоинства. Составители названы на обложке каждого тома: известный монголовед директор Центра развития исследований Государственного этнологического музея Японии профессор Юки Конагая, племянник

Н. А. Симуковой Санжаасурэнгийн Баяраа и Ичин-хорлоогийн Лхагвасурэн. Название изданных томов — «Труды о Монголии и для Монголии» (такое обозначение сути своей работы было дано когда-то самим автором) — точно определило смысл его работы в стране и в целом его судьбу. Труды прочтываются как одна бессмертная книга, на страницах которой живёт сам автор со своим сердцем, покорённым Монголией, с его добрыми чувствами к людям, по традиции радушно и гостеприимно встречавшим у себя в юрте бесстрашного путешественника. Дневниковые записи, сделанные автором во время экспедиций, долго не отпускают от сложившихся текстов. Поражает целеустремлённость и настойчивость, удивляет всеохватность интересов молодого учёного. Он производит съёмку окружающей местности, заносит на будущую карту линии рек с их притоками, долины, отмечает расположение аилов, состояние пастбищ. Мимо него не проходят знаки времён, он умел их увидеть, разгадать, подчас не спеша расшифровать, достаточно было заметить и зафиксировать. А. Д. Симуков на пути заходил в юрты к местным жителям, подолгу беседовал с ними. Он настолько был пленён Монголией, полюбившимся ему монгольским языком, что подчас в своих текстах оставлял монгольские реалии без русской транскрипции. Может быть, он был первым учёным, применившим кириллицу для монгольской письменности. Бывало и так, что в симуковских записях монгольские слова склонялись по нормам русской речи, неожиданно появлялись глагольные формы с монгольскими корнями. К примеру, в работах 20-х гг. в его текстах не раз можно прочитать «*заачанились*» — в одно слово от монгольского *ачаа(н)* ('поклажа'), то есть «погрузили тюки, навьючили верблюдов, лошадей». Он без перевода употребляет слово *тамаган*, означающее местное управление, канцелярию, где приходилось предъявлять свои документы или получать разрешение, скажем, на проведение съёмки местности, и т. д. Приводятся случаи, когда документы для предъявления в канцелярию он отправлял с проводником, сам же, дабы не упустить время, ехал вперёд по намеченному маршруту. В *тамаган*'е (быстро привыкаешь к этому слову) излагалась просьба о выделении монголов-проводников в подлежащий дальнейшему обследованию район и т. п. Так, А. Д. Симуков 19.VII.1928 г. отмечает в дневнике: «Здесь тамаган производит довольно приличное впечатление. Бумагу мне выдали скоро, в моих заданиях разбираются хорошо» [Т. 3/1. С. 86]. В том же дневнике Хангайской экспедиции он записывает обнаруженные *убульчжон'ы* — расположение зимовок (*овёлжён*). Знакомство с дневниковыми записями А. Д. Симукова позволяет увидеть в нём прекрасного организатора работы экспедиционных отрядов. В условиях полевых работ с ним всегда были фотоаппарат, анероид, буссоль. Оказавшись в вожделенной Центральной Азии, в живом общении с монголами, а они интуитивно сразу распознают в незнакомце человека с открытой

¹ Здесь и далее номера тома и страницы в квадратных скобках указаны по изданию: [Симуков, 2007—2008].

душой, он быстро освоил монгольскую речь, постиг обычаи монголов, легко общался с ними, посещая аилы, заходя в юрты, встречавшиеся на маршрутах. Со многими сдружился на долгие годы. Местные монголы служили для него также живым источником топонимических и гидрографических сведений. Дневники передают дыхание жизни номада, оставившегося после очередной перекочёвки несколькими аилами в долине с рекой или с другими источниками воды, под защитой горных массивов, с богатыми пастбищами. Перед читателем обязательно предстаёт и сам исследователь, озабоченный неприменным желанием с максимальной полнотой выполнить поставленные перед ним задачи. Одна из них с первых дней экспедиционной деятельности была связана с добычей артефактов для музея. И это ему удавалось в полной мере. Все материалы, отражающие деятельность экспедиций, собраны составителями в отдельный том (том 3, часть 1).

Труды А. Д. Симукова не случайно как бы раздельно названы «О Монголии» и «Для Монголии». Кажется, что молодой сильный исследователь, благодаря своему высокому росту легко поднимающийся на горные перевалы, взбирающийся к вершинам гор и высоких холмов, без труда преодолевающий непростые каменистые спуски, озадачен наблюдениями географа, съёмкой обширной местности, сбором образцов флоры и сведений о фауне. Но его пытливый глаз различает многие детали в открывающейся картине: и маленький дугун² на живописном склоне горы, и сооружение нового субургана, и большой буддийский монастырь — всю красоту монгольского пейзажа. И тогда появляется текст, в котором вполне реализуется давно возникшее влечение к литературному творчеству: «В месте слияния Хуримийн-гол — Бумботу большая котловина, к <...> от нее отдельная гора (небольшая) Цокто-Хайрхан. <...> Склон её сплошь завален моренными отложениями. Пока ещё для меня неясно, откуда они принесены. На восточном склоне небольшой дугун, сомонный. В упомянутой котловине порядочно населения. Я насчитал примерно 20—23 юрты. Далее мы поехали по Хуримийн-голу, довольно далеко от него, левой стороной. Все время по моренным отложениям. Завернули в аил, где живёт второй улачин, но, оказывается, он не получил распоряжения и уехал тарабаганить (охотиться на тарбагана. — *К. Я.*) на несколько дней. Здесь 3—4 юрты. Так и поехали далее. По дороге в камнях подняли филина. Чуть выше устья Хангала на Хурэмийн-голе кочует сейчас уртон Галутэ. Около него 2 юрты. Заехали, думая найти человека. Не вышло. Немногом далее Хурэмийн-гол выходит из гор. Свернув по нему в горы, мы остановились в аиле (2 юрты), разбив палатку у самой реки. Мирная картина! Светлая река течет здесь тихо под высоким яром. Кругом луга, огороженные горами. Сзади небольшой лесок, а дальше гольцы. Около аила табун,

стадо сарлыков. В вечерней тишине звучит вольная песня, звонкими голосами перекликаются дети. Закатное небо ясно. Воздух чист и свеж. Мы с Сереном (проводником. — *К. Я.*) долго сидели у входа в майхан, молчаливо думая каждый о своем» [Т. 3/1. С. 119]. При возникшей позже беседе выясняется, что сын Серена учился в Ленинграде.

Разъезды географа Симукова по экспедиционному маршруту идут от ключа к ключу, от колодца к колодцу, от монастыря к монастырю, указанным на старых картах, или по совету проводников, или по совершенно нехоженным местам, где и проводников нет. Верхом на лошади или верблюде, по проторенной тропе или караванному тракту дорога ведёт к намеченной цели. По описанию передвижения путешественника складывается представление о надёжной уртонной службе в конце 20-х гг., о вытеснении её с 30-х гг. автомобильным транспортом. Внедрение в жизнь автомашин через «Монголтранс» (так называлась новая организация, обслуживающая переброску грузов и почтово-пассажирские перевозки), история развития транспорта МНР в 20-е—30-е гг. подробно изложены А. Д. Симуковым (см.: [Т. 1. С. 404]). Радость новизны, вошедшая в жизнь номада, отразилась в появлении авторской песни, быстро ставшей народной. (Объявление об исполнении песни «Монголтаранс» (гласная *a* обязательно звучит в слоге после *m*) можно было услышать в радиопередачах из Улан-Батора даже в последние десятилетия XX в. — *К. Я.*)

День за днём идет сбор растений. Попутно составляется сводка геологических данных. В заботах о будущих отделах музея по фауне Монголии к проводникам, естественно, возникают вопросы об охоте. В этой связи, например, приводится во всех подробностях рассказ об изюбрах, которые в описываемой местности передвигаются круглый год. Оказывается, летом они ходят по самому водоразделу, бродя по еланям наравне с аргали, часто довольно далеко от леса. Во время дождей, когда становится прохладней, изюбры спускаются к лесу и охотно держатся в маленьких перелесках близ границы леса. Так проходит лето. А к рёву они снова спускаются в леса. Пантовать начинают с 8-го числа первого летнего месяца, заканчивают к первому августа. Монгольский собеседник уточняет, что из оружия у охотников главным образом кремнёвки. Однако зверь постепенно становится редкостью. Причиной бывает засуха, а то и пальба, которая устраивалась по всем окрестным горам. Рассказчик уточняет, что после гаминов и бароновщины у населения появилось много скорострелок, в основном у богатых, то есть у плохих охотников. Впрочем, скорострелки отобраны. В последнее время количество зверей стало увеличиваться. Вот ещё одно наблюдение: по скалам растёт крыжовник... И снова в дневник заносится немаловажная деталь о возникающей дружеской обстановке: вечером в аиле угощали архи, повеселевший проводник пел песни. «Спел он мне и „Сэрун сайхан Хангай“» (песня также продолжает бытовать

² В написании монгольских реалий, имён, географических названий сохраняется авторская транскрипция.

в начале XXI в. — *К. Я.*). Кроме того, выяснилось, что проводник знает кое-какие улигеры (см.: [Т. 1. С. 111]).

Ежедневно идут пешие восхождения. Нередко преодолеваются очень крутые подъёмы, и каждый шаг, по признанию неутомимого исследователя, требует упругой верной ноги... А в описании верхнего пояса Хангайских гор констатируется: «Крутизна — одна из характерных черт». Постепенно вырабатывается собственная методика исследования обширной местности с высоких горных точек.

Дневник Хангайской экспедиции изобилует свидетельствами упорядоченной веками жизни монгольских номадов. Традиционны сезонные перекочёвки. В аилах на месте стоянки экспедиции есть так называемые десятники, которые выделяют конных сопровождающих. Последние оказывают помощь на всех этапах перевозки экспедиционной клади и тогда, когда географу, взобравшемуся на высокий гребень хребта, для завершения спуска нужно подвести коня. Обе партии экспедиции 1928 г. работают в разных районах Хангая. Симукову для назначенной встречи партий важны сведения о передвижении Кондратьева по маршруту. С магистрали, на которой работает Андрей, далеко на западе виден снежный Отхон-Тэнгри. Возникает предположение, что наблюдавшийся недавно другой снежный кряж — часть его системы. Впрочем, далее следует заключение исследователя, что выяснить это сможет только общая сводка. Заметим, С. А. Кондратьев в это время совершил восхождение на Отхон-Тэнгри, провёл необходимую съёмку, определил высоту этой горы. Конечно же, запечатлел красавицу-вершину на фото. В конце дня А. Симуков спустился не старой дорогой, а более лёгкой, по крутому и узкому распадку. Навстречу ему привели коня, и он скоро добрался до сложенного уже лагеря. Вместе с А. Д. Симуковым в отряде работают помощники. С ними — давний соратник П. Ф. Чухломин. Они разделились с ним на какое-то время. Теперь хотелось навести справки. Поспрашивал в одном аиле. Но там о Чухломине не слышали, зато слышали о подводах Кондратьева. (Очень точно подмечено действие типично монгольского «беспроволочного телеграфа»). Однако попался проезжий монгол, сообщивший проводнику, что Чухломин проехал в сторону монастыря Таряты. На следующий день путешественники вышли с солнцем, сейчас же поднялись на перевал, а затем по прекрасной дороге рысью покатали прямо к Тарятам. Дорога шла у восточного подножья горы Байсхалан (см.: [Т. 1. С. 142]). Далее следует запись о подъезде к монастырю: о попавшихся верстах в 12 от монастыря шерстомойках Монценкопа и Стормонга (черты истории отношений нашей страны с Монголией), о встретившихся представителях русской колонии. У них получены интересные сведения о хошуне. О большом количестве скота. «Из скота держат большей частью сарлыков и хайнаков» [Т. 1. С. 143]. О весьма доходной статье охоты на тарбаганов, во множестве обитающих вокруг. От одного из

собеседников услышал удививший исследователя рассказ: этот бывалый человек ходил по знакомым обоим местам, пройдя с баранами экспортной компании из Дайчин-вана в Хух-хото севернее Гурбан-Сайхана, и видел там на вечерней заре и на рассвете пару животных, будто бы одnogорбых диких верблюдов.

Встреча с Кондратьевской Улясутайской партией экспедиции предполагалась в Дурекчи-ване 10-го сентября, о чём Сергей Александрович уведомил Андрея Дмитриевича запиской. И до этого известия А. Симуков в ожидании встречи уже съездил на ближайший перевал, потом дальше к озеру Иринчин-Джугнай, лежащему среди лесистых гор высоко над долиной реки Тэс... После встречи обеих партий и обсуждения всего сделанного было принято решение отряду А. Д. Симукова выехать в Сын-тайгу, а улясутайцы пойдут на Хан-хухей. Два дня ушли на сборы, и участники Хангайской экспедиции все вместе выезжают в дальнейший путь вниз по реке Тэс. Предварительно узнали в тамагане, что Сын-тайга находится на урянхайской территории, для А. Симукова становятся очевидными значительные затруднения в доступе к этой горной группе. В его дневнике читаем следующую запись: «Мы проехали вниз по Тэсу и остановились верст на 6 выше Ганданхуре, в еловом острове. 17-го я съездил с М. И. К. (Мелитина Ивановна Клягина-Кондратьева, жена Сергея Александровича. — *К. Я.*) в хуре, где немного поснимал. Кроме того, познакомился с двумя русскими в ликвидируемом отделении Госторга и кое о чем их расспросил. Под вечер вызвал из лагеря Лубсана (Ульдзий Лубсан-хуурч, музыкант и певец, сопровождавший С. А. Кондратьева в экспедиции. — *К. Я.*) и с ним сходил в местную пограничную таможеню, чтобы навести справки о границе. Оказалось, что толком там ничего не знают. Мне никаких препятствий не чинили. Наоборот, сказали, что фактически дорога открыта. Точно граница не установлена. Больших разбоев нет, а мелкий грабёж постоянен. Вернулись мы после заката. Вечером Лубсан долго играл, распевая новый улигер о нашем путешествии» [Т. 1. С. 157]. На следующий день партии разделились. Лубсан вместе с Симуковым добрались до сомонного центра, где дарга оказал полное содействие и назначил проводника, у которого путники заночевали, а перед тем весь вечер Лубсан сказывал улигер.

В подробном описании следующего участка пути тоже есть примечательные записи: «Поравнявшись с Баян-хайрханом, мы увидели по левой стороне пади уже значительные сивера; долина сузилась, карагана исчезла. Несколько выше мы миновали сочашийся по руслу ключик и остановились у колодца, принадлежавшего ранее караулу Баян-булаг. Гендун (проводник на новом участке пути. — *К. Я.*) собрал трех или четырех десятников, причем выяснилось, что знающего места по главному хребту Танну-ула нет ни одного, как нет и хорошо знающего урянхайский язык. Поэтому мне придется, вероятно, взять на

день-два еще проводника урянхайца. <...> Граница проходит всего в 15—20 верстах далее к северу и поэтому уже необходимо стеречь коней. Десятники дали нам сторожа. Любопытно было встретить молодого парня, недавно окончившего среднюю школу в Урге. Он работает в тамагане и приехал в этот глухой угол домой, на побывку» [Т. 1. С. 158]. Через день поздней порой к стоянке отряда подъехал молодой лама, возвращавшийся с пашен с вьюком ячменя. Он был из верхнего аила, но решил заночевать около путешественников. За долгим разговором выяснилось, что его отец, старик Пельчже, — шаман. Через день предупрежденный новым знакомцем о том, что отец собирается камлать, Андрей Дмитриевич отправился в аил к Пельчже.

Трудно отказаться от пространного цитирования следующей документально-этнографической записи А. Д. Симукова: «Полдня прошло в разного рода расспросах и разговорах. Обоим я поднёс хадаки. Между прочим меня угостили мясом ца (дикий северный олень. — *К. Я.*). Несколько дней назад два охотника, перевалившие Танну-нуру, в истоке Нарина увидели следы диких ца в 10 голов и, выследив их, одного убили. Мясо хорошее, похожее на мясо изюбря. <...> За беседой незаметно свечерело, и старый Пельчже стал готовиться к камланию. Большой бубен, обтянутый медвежьей шкурой, был подсушен и нагрет над огнем. Дети притащили маленькое деревцо лиственницы, на ветки которого были привязаны 9 белых полосок материи. Затем деревцо это водрузили напротив двери юрты, шагах в 15 от последней. Затем была извлечена одежда шамана, состоявшая из шапки с венцом перьев филина на верхушке, кожаной куртки со множеством разноцветных подвесок из кожи и материи, свешивавшихся до полу, и мягких кожаных „мокасин“ с разводами. Передняя часть круглой шапки изображает нарисованное белым по черному фону лицо. На куртке на плечах нашиты пучки коротких перьев того же филина. На спине ряд подвесок из железа, бренчащих при каждом движении. С шапки спереди спускается черная бахрама, закрывающая лицо. Било для бубна сделано в виде овальной ложки с ручкой, вырезано из кедра и обтянуто кожей ца, с сохранившимися еще волосами. На внутренней стороне несложный резной орнамент, долженствующий изображать небо человеческого рта.

Одевался Пельчже медленно, не торопясь. Попробовал бубен. Зажгли арцу (встречающуюся по Танну в изобилии) и стали его [шамана] окуривать, обнося по солнцу около ног. Наконец он повернулся лицом к висевшим на стене рядом с бурханами онгонам и запел призывание, слегка ударяя в бубен. Очень быстро темп пения и ударов участился, движения стали быстры и резки, послышался храп.<...> Петь он перестал. Тело завертелось. Голова быстро и резко вертелась во все стороны. Глаза были закрыты. Гулкие удары в бубен, неизменно ритмичные, стали угрожающе сильными, странно волнующими и зовущими <...> старый Пельчже крутился в неистовом

танце жреца древней „черной веры“» [Т. 1. С. 164—165].

Камланье продолжалось почти три часа. Прежде чем уйти «на табор», А. Д. Симуков подробнейшим образом записал все впечатления о шамане. Не опустил и своей мысли об удивительном образце сосуществования древних буддийских верований и следования буддизму на примере отца и сына.

Сотни экспедиционных фотографий, сделанных А. Д. Симуковым, хранятся в фотоархиве АН Монголии и в его семье. Часть из них приложены к каждому тому Трудов. Ловишь себя на желании подолгу рассматривать их. Четыре снимка, на которых запечатлены беседа автора с молодым гэлюном, отец ламы шаман Пельчже и оба врозь в сакральных одеждах, помещены среди прочих в томе 3/1 [№ 124—127. С. 584—585]. В этом же блоке фотографий видим на снимке, датированном 1938 г. [№ 145. С. 593—594], А. Д. Симукова в ладно сидящем на нём дэле с орденом (монгольской правительственной наградой) на левой стороне груди. На голове — мягкая фетровая шляпа с широкими полями, непрременный и любимый монголами головной убор.

Уважаемый Пельчже оказался обстоятельным рассказчиком об особенностях охоты, привёл полный перечень обитающих вокруг животных. В конце концов старик и Симуков отправились вместе верхами в разъезд на 2—3 дня.

Была ещё одна Хангайская экспедиция. В 1930 г. Основной целью на этот раз являлось исследование пастбищ, кочёвок, возможностей сенокосения, определение мест для организации разного рода госхозов в долинах Толы, Орхона, Селенги и других рек. В стране идёт процесс коллективизации. Стоят проблемы отвода сенокосов, изучения пастбищ, периодов кочёвок, рытья колодцев и прочие задачи в развитии экономики.

Дни традиционного национального праздника *наадам* исследователь Симуков наблюдает в одном из хошунных центров. Вечером был спектакль «Банчен Богдо». Шесть сцен живой агитки А. Д. Симуков записывает подробно. В трёх из них главное действующее лицо хутухта из Югодзар-хийда, да ещё какой-то безымянный ноян. Хутухта и ноян пытаются перебраться за границу. Пограничный дозор останавливает их, тащит в пограничный отряд, где выясняют личности беглецов и отправляют в Улан-Батор. Следует заключительная сцена: «Приводят хутухту и нояна, представитель правительства читает приговор, который тут же приводится в исполнение — обоих расстреливают» (см.: [Т. 3/1. С. 225—226]). Как-то больно было читать это. Следующие строки позволяют представить себе реакцию надомских зрителей на «агитку», демонстрировавшую гонения на буддийскую церковь, на расстрел одного из главных её иерархов. «Дело затянулось очень поздно — почти до 2 часов ночи. *Публика смотрела очень внимательно и досидела до конца* (курсив А. Д. Симукова).

Но особенно напряженно смотрели все-таки борьбу. Тут раздавались крики одобрения, нетерпения и т. д.» [Т. 1. С. 226].

Мне довелось в Эрдэнэцагаан сомоне, что у самой границы с Китаем, в 1966 г. быть на руинах монастыря Егудзер-хийд, видеть признаки почитания уцелевших фрагментов священных стен. Врезалась в память висевшая над бывшим входом тханка. Ветер тихо раскачивал её... Один из жителей сомона на память о знакомстве подарил прижизненную фотографию хутухты, сидящего за молитвенным столиком. Монастырь и его настоятель продолжали пользоваться доброй славой.

Невозможно пройти мимо ещё одного свидетельства времени, когда открыто сохранить национальные раритеты от расправы можно было, только переместив их из монастыря в музей. В отчёте об экспедиции 1937 г. А. Д. Симуков повествует о полученном специальном задании — изъять из одного монастыря в Ара-Хангайском аймаке хранившееся в нём «Чингисово знамя»: «Сейчас ещё трудно сказать, к какому времени относится появление этого знамени, так как по этому вопросу следует провести специальное исследование. В Барун хурэ это знамя было предметом культа и хранилось в отдельном небольшом храме, имевшем своего тахилчи. Мы не имели ни времени, ни возможности заниматься подробными исследованиями на месте, а потому ограничились тем, что погрузили знамя на машину и просили лам сохранить храм с его содержимым в неприкосновенности» [Т. 3/1. С. 541].

Однако вернусь к Хангайской экспедиции 1930 г. А. Д. Симуков, выезжая в эту экспедицию, вспоминает, что их первая ночь была проведена в том самом месте, где в 1926 г. стоял в последний раз караван экспедиции П. К. Козлова. Не один раз в Трудах Симукова встречаются имена известных путешественников, с чьими маршрутами он пересекался на путях своих экспедиций, ссылки на публикации людей, работавших в Монголии прежде. Называет он в своих записях также имена начинающих монголоведов, проходивших практику в стране. В их числе Л. С. Пучковский и В. А. Казакевич. В библиотеке Учёного комитета, сотрудником которого А. Д. Симуков был все годы, сложилось богатое собрание монголоведной литературы. Нет сомнения в том, что А. Д. Симуковым, который быстро продвигался по пути становления настоящего учёного, были проштудированы многие книги из этого собрания. Одним из подтверждающих это примеров может служить то, что в статье о хотонах А. Д. Симуков ссылается на Б. Я. Владимирцова, на его «Общественный строй монголов», оказавшийся в Учкеме в рукописи.

В текст дневников со всевозможными точными наблюдениями о количестве встреченных айлов и о живущих в них номадах вдруг записывается вырвавшаяся из контекста реплика: «Над Хангаем почти всегда облака. Под чистым светлым небом чувствуются жаркие сухие просторы Гоби. Как все-таки тянет туда!»

Рискну предположить, что Гоби была самой большой любовью Андрея Дмитриевича. Начиная с 1927 г., кажется, самое большое количество его экспедиций связано с гобийскими просторами. В редкий год третьего десятилетия XX в. он не выезжал в Гоби. И уж точно в то время происходило слияние экспедиционных исследований с работой учрежденческого характера. Так, Гобийская экспедиция 1931 г. имела специальное задание ЭКОСО (ох уж эта «любовь» к аббревиатурам!) — «Собирание материалов по определению аймачных центров в Южно-Гобийском и Алтайском аймаках (Якимов и Симуков)» [Т. 3/1. С. 298]. Заметим, первый раз появляется фамилия ещё одного начинающего монголоведа В. Д. Якимова. Он входил в состав экспедиции как экономист из Экономсовета МНР, дополнительно должен был собрать материал для решения разных вопросов экономики. Следует сказать, что тогда же в составе экспедиции в качестве коллектора работала М. Симукова, жена руководителя экспедиции.

Место для центра в Южно-Гобийском аймаке было определено очень умело. Предложение нового места было принято без всяких возражений, и аймачное управление через несколько месяцев перекочевало (все помещения в ту пору были в юртах) в новый центр. Им стал известный до сих пор Даландзадагад. А вот с поиском центра для Алтайского (ныне Гоби-Алтайского) аймака была другая история. Новый центр Алтайского аймака предлагалось обустроить на седловине между Тайширским хребтом и Алтайн нуруу, с одной стороны, и низкими котловинами Бигер-нура Шарга-ин гоби — с другой, где расположен полноводный ключ Халюн. Дополнительный аргумент — прохождение через Халюн старого торгового тракта. И хотя центр Алтайского аймака кочевал несколько раз, место, предложенное для него А. Д. Симуковым, оказалось исключительно удобным для образованного в пятидесятые годы успешного сельскохозяйственного объединения во главе с его организатором большим энтузиастом Лодыху-гуаем. Таким образом, ещё раз подтвердилась плодотворность идей опытного учёного.

Гобийская экспедиция 1932 г. должна была стать заключительной для общего исследования гобийской части. В плане работ А. Д. Симуков уточняет, что выполнение поставленного выше условия возможно лишь при большом напряжении, так как необходимо осмотреть весьма большую площадь. Предлагается подробный маршрут. Основным средством передвижения будет теперь грузовой двухтонный автомобиль, боковые развозы — верхом на лошадях и верблюдах.

Некоторые записи исследователя и отчеты были исправлены и дополнены примечаниями в 1935 г. По-видимому, это было связано с подготовкой «к сдаче Ученому комитету написанных ранее работ» и приведением их «в готовый для пользования и печати вид» [Т. 3/2. С. 169]. Первым в списке рукописей, передаваемых А. Д. Симуковым Ученому комитету [Т. 1. С. 101, 103], был «Географический очерк

МНР» — фундаментальный труд по общей, физической и экономической географии Монголии. В рецензируемом издании он занял первый том.

Скрупулёзное обследование пастбищ Монголии, предложения о сенокосении и возможных перспективах заготовки кормов для скота в разных районах страны и на случай засухи, и на случай гололёда — все эти и другие проблемы, сопутствующие изучению монгольского сельского хозяйства, освещены в работах неумолимого исследователя, составивших вторую книгу Трудов.

Многие годы оставалась неразрывной живая нить искреннего содружества и высоких нравственных устоев, связавшая соотечественников по времени совместной работы в Монголии. В этом меня убедил небольшой текст на листе бумаги на стенде выставки, посвященной 90-летию со дня рождения Андрея

Дмитриевича Симукова. Заседание по этому случаю проходило в Культурном центре при Монгольском посольстве в Москве. Документ, подписанный знаковыми именами монголоведов, глубоко взволновал. Они ходатайствовали о реабилитации коллеги. Мне запомнилось, что там стояли три подписи. Нины Павловны Шастиной, Елизаветы Владимировны Козловой (вдовы знаменитого путешественника П. К. Козлова), а кто был третьим, забыла. За помощью обратилась к Наталии Андреевне Симуковой. Будучи уверена в том, что у неё хранится тот самый документ, попросила прислать мне его текст. Хотелось бы напомнить коллегам. Да и познакомить с ним монголоведов нового поколения. Время бежит. Со времени того заседания прошло двадцать лет. Наталия Андреевна с присущей ей обязательностью прислала ответ:

Дорогая Клара Николаевна

В приложении посылаю Вам текст интересующего Вас документа. Это не ходатайство о реабилитации Андрея Дмитриевича, а отзыв коллег об А. Д. и его работе в Монголии с просьбой ускорить рассмотрение дела.

История появления документа такова.

В 1954 г. семьей Андрея Дмитриевича было подано ходатайство о его реабилитации. 3 мая 1956 г. Военная прокуратура ЗабВО запросила дополнительные сведения о научных работах А. Д. (список, местонахождение, отзывы). Обсудили проблему с С. А. и М. И. Кондратьевыми. По их инициативе и появился на свет упомянутый выше документ. К нему мы приложили: 1) список 19 работ А. Д., процитированных в книге В. А. Обручева «Восточная Монголия» (Изд. АН СССР, Москва; Ленинград, 1947) с аннотациями акад. Обручева; 2) список всех найденных мной ранее опубликованных работ А. Д.

Переписка с инстанциями продолжалась еще полгода.

Справка о реабилитации А. Д. Симукова датирована 17 декабря 1956 г.

А вот и текст того самого документа, датированного маем 1956 г.:

В Военную Прокуратуру Забайкальского Военного Округа пом. Прокурора тов. ОБУХОВУ

На рассмотрении у Вас находится ходатайство о реабилитации СИМУКОВА Андрея Дмитриевича (дело № 7-2791-41).

Мы длительное время работали вместе с А. Д. Симуковым как в Монгольской экспедиции Всероссийского географического общества под руководством известного путешественника П. К. Козлова, так и по окончании ее в Ученом комитете Монгольской Народной Республики.

Мы знаем А. Д. Симукова за все время работы с ним как способного и трудолюбивого исследователя (имеющего научные труды в области географии и народного хозяйства МНР), преданного советской науке и советскому государству.

Скорейшая реабилитация А. Д. Симукова (к сожалению, может быть уже посмертная) должна восстановить честное имя советского исследователя А. Д. Симукова.

Ввиду того, что по ходатайству о реабилитации А. Д. Симукова до сих пор еще нет решения, хотя прошло уже более года, как ходатайство было возбуждено, мы просим Вас ускорить рассмотрение этого дела.

Е. В. КОЗЛОВА

ст. научный сотрудник Зоолог. ин-та

Академии Наук СССР

Ленинград, Смольный проспект, д. 6, кв. 32

С. А. КОНДРАТЬЕВ

член Союза советских композиторов

Москва, Страстной бул., д. 6, кв. 33

Н. П. ШАСТИНА

ст. научный сотрудник Ин-та востоковедения

Академии Наук СССР

Москва, ул. Чкалова, д. 14/16, кв. 166

Читая опубликованные в Японии труды А. Д. Симукова, испытываешь большую благодарность всем, кто работал над уникальным изданием. Эти труды и после долгого пребывания в архивах не утратили своей научной ценности. Несомненно, любой современный монголовед в книгах, не просто пропитанных любовью автора к Монголии, а ставших плодом яркого таланта и проницательного ума исследователя, не знавшего мелочей в непрерывной работе, найдёт для себя неиссякаемый источник знаний по этнографии, географии, филологии и просто о жизни монголов в переломные 20—30-е гг. минувшего столетия. Мне же доставили большую радость яркие характеристики и точные картины знакомых по собственным экспедициям мест, совпавших с маршрутами А. Д. Симукова. Несколько раз Андрей Дмитриевич помог своими записями в уточнении отдельных топонимов, встречавшихся в текстах народных песен, услышанных от разных информантов. И совсем неожиданно открылось дружество Андрея Дмитриевича с Дашдоржийном Нацагдорджем, о котором монгольскому географу П. Цолмону, собиравшему материал для книги о Симукове, поведала Мелания Алексеевна Симукова. Оказывается, Нацагдордж часто приходил к А. Д. Симукову — они были коллегами по работе в Учкоме — и уводил его на прогулки. Да простит мне уважаемый читатель ещё одно пристрастное цитирование. В статье «Сердце, отданное Монголии» П. Цолмон пишет: «По воспоминаниям М. А. Симуковой, монгольский поэт был стеснительным, улыбчивым человеком. Её муж до поздней ночи бродил с Нацагдоржем по огромному и пустынному двору научно-исследовательского Комитета. На вопрос, что же они там делали, неизменно отвечал: „Гуляли под звёздами“. А однажды рассказал, что Нацагдордж читает ему свои стихи, и добавил: „Запомни его имя. Он будет очень большим поэтом“. Может быть, замечательное стихотворение „Звезда“ родилось именно во время этих прогулок.

То же самое можно сказать и о его поэме „Моя родина“. Ведь в её строках — вся география Монголии:

Хэнтий, Хангай, Саяны, вставшие дугой,
Хребты высоких гор, покрытые тайгой,
Мэнэн, Шарга, Номин — о как вас любим мы,
Монгольские барханы и холмы...

Задумав сочинить стихотворение о природе Монголии, основоположник нашей современной литературы конечно же не мог не консультироваться со своим другом — знатоком географии Монголии. Например, в стихотворении „Моя родина“ есть строка о пяти видах злаков, выращиваемых в Монголии. Д. Нацагдорж, сын скотовода, далекий от земледелия, вряд ли смог бы сказать, сколько именно видов зерновых культур произрастает в Монголии. А в труде Андрея Дмитриевича „Краткая география МНР“ написано: „Монголы сеют преимущественно просо и арбай (голосемянный ячмень), буряты и русские — ярицу (яровую рожь), пшеницу, овес, китайцы — пшеницу“.

Имея русского друга, причем также влюбленного в поэзию, Д. Нацагдорж, естественно, обращался к нему за помощью при переводе стихов А. С. Пушкина» [Т. 1. С. 44—45].

...Закрываю последний том Трудов Андрея Дмитриевича Симукова. Постепенно начинаю до конца сознавать, ЧТО сделал для монголоведения, для Монголии этот человек, соединивший свою короткую жизнь со страной своей мечты. Впрочем, об этом написали авторы, открывающие содержательными статьями самую первую книгу Трудов.

Мне остаётся выразить искреннюю признательность Н. А. Симуковой, взявшей на себя труд внимательно прочитать подготовленную рецензию и сделать некоторые дополнения и поправки.

Литература

Симуков, 2007—2008: *Симуков А. Д.* Труды о Монголии и для Монголии. Т. I—III. Государственный музей этнологии. Осака, 2007—2008.

Монголика-III. СПб., 1994.